

ТАТЬЯНА ЛЕЙКО

НА РУССКОМ КОСТЯКЕ

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ

Засим прощайте, белорусы!
Уходим мы в свои улусы
и надвигаем купола
на лбы славянские просторные.
Вдали растают пики горные
костелов ваших...
Иншалла!

Варшава, задний двор Европы,
опять зовет тебя в холопы.
На Западе — смешенье рас...
Душа славянского разлива!
Навряд ли будешь ты счастлива.
Но быть легко
счастливей нас.

Евразия! Твои пределы
сжимаются.
Душа от тела
рванула б — да не тот размах.

Звонит, звонит подводный Китеж...
Не спите, русские, не спите ж!..
И мы не спим
в своих домах.

Звонит, звонит подводный Китеж...
И любишь то, чего не видишь,
чему и быть не суждено.
И бесконечно одиноко
глядишь на желтый свет с Востока
сквозь растворенное окно.

РУССКО-БЕЛОРУССКОЕ-2

Какое синее сиянье
в трехцветном флаге сей страны!
Как будто мы не россияне
и не Империи сыны.

Как будто этот синий, синий
не углубляет все цвета...
Между тобою и Россией —
не подведенная черта.

И не написана страница
разрозненного бытия.
И не погашена зарница,
короткая, как жизнь твоя.

И, между молоком и кровью,
таинственная синева,
быть может, и твоей любовью,
невозвратимая, жива.

* * *

Люблю тебя, великая страна!
Еще я вижу зрением духовным
тебя раскинутую, как посадский плат,
то снежно-зимний, то в цветах горячих.
...Обрезаны, оборваны края,
красное пятно на месте сердца...
Но вижу я с далеких островов
твой материк...
Горят твои цветы
на зеленых лугах,
и льется солнце
на снежные холодные равнины.

* * *

О, эти песни!

За столом, за водкой,
в дороге, может... или где еще —
душой летящей, обожженной глоткой,
ладонью, что упала на плечо, —
ты всем поешь, что есть в тебе и будет, —
настолько свой народу своему...

Да как и мы!

Кто эти песни любит —
тому не быть на свете одному.

РУССКАЯ БОЛЬ

Господь наказует любя...
За что же ты их наказуешь?
Они и не знали тебя.
Зачем же так строго взыскуешь?

Они лишь подонки... По дну
ползущие вялые мухи.
Другие продали страну,
жирели на нашей разрухе.

И эти, и те — без креста.
И слабый — пускай погибает?
Ему не нужна доброта —
уже он сто лет пропадает.

Все взяли от этой земли —
для сытых столиц из окраин.
И сгинул в дорожной пыли
свое отпахавший хозяин.

И бродит мужик, как шальной,
отравленный водкой паленой,
виновный чужою виной
и преданный “пятой колонной”.

* * *

А может быть, поговорим о чем-нибудь другом?
О самом лучшем на земле, о самом дорогом.

Поговорим о той любви, которая была.
О старой вишне под окном, которая цвела.

И о манящих городах за сумраком времен.
И о летящих поездах сквозь одинокий сон.

О тех, кто с нами навсегда, хотя уже не здесь.
О жизни между “нет” и “да”, о том, что счастье есть.

* * *

Пожить бы с холодом во лбу,
да не испытывать судьбу,
да не белить себе виски —
от тех, что не были близки.

Но пусть “Лучину” запоют,
кручину водкою запьют...
Закрывать бы душу на засов,
да не от ваших голосов.

И нет сильнее ничего,
чем это кровное родство,
да на плече моем рука,
да песня — русская тоска.

* * *

На русском костяке, точнее, на костях
построена страна, что свой спустила стяг.
И что теперь жалеть, обломки собирая,
и на Восток глядеть из Западного края!

Вопрос уже решен: мы умираем здесь.
Вот, скажут, был народ, да только вышел весь —
кто дымом из трубы, кто для червей обедом,
и только путь души обобранной
неведом.

Не поздно ли ползти к забытым алтарям?
Как в голубом снегу, сияет Русский храм.
Прийти — и умереть, шагнув через порог,
и воспарить душой к тому, чье имя: Бог.

* * *

От орла да от решки —
всюду злые потери.
Насмерть рубятся пешки
на руинах империи.

Тридевятое царство
манит самых смысленых.
А мое государство —
в этих землях зеленых.

В этих землях, повитых
красотою небесной,
что на миг московиты
сколотили над бездной.

* * *

Мы на жертвенник новый
восходили с тобой.
И за русское слово
заплатили судьбой.

За любовь к этой шире,
к этим песням простым.
За единственный в мире
дом под небом святым.

От печали старинной
загорается кровь...
Мы над русской равниной
повстречаемся вновь.